

Переплетение любви и ненависти

Жёлтый талисман, приклеенный под карнизом из серой черепицы, покачивался на ветру, излучая мягкое сияние. словно крошечное солнце, он освещал едва проклюнувшиеся ростки. Свет был ярким, но не слепящим, тёплым, но не обжигающим.

От дуновения весеннего ветерка в большом чане отражение облаков в воде покрылось рябью и нежно заколыхалось.

Сун Цяньцзи смотрел на это, и ему казалось, что он разделяет радость своих лотосов.

Создать собственный талисман сбора света было для него несложной задачей, но чтобы подобрать идеальную продолжительность свечения и интенсивность света, ему пришлось испортить более десятка листов бумаги.

Когда Мэн Хэцзэ вошёл во двор в сопровождении группы учеников внешней школы, он застал Сун Цяньцзи убирающим кисти и тушь. На столе лежали две стопки свеженарисованных талисманов, на которых ещё не высохла киноварь.

Ученики замерли, а затем их лица озарились радостью:

— Старший брат Сун и вправду нарисовал талисманы!

Если бы не крайняя необходимость, они бы не стали беспокоить Сун Цяньцзи и доставлять ему хлопоты. Поэтому о своих планах по поводу нового стиля боя на арене ему никто не говорил. Но кто бы мог подумать, что старший брат Сун, словно предвидев всё, окажется провидцем.

— Как раз вовремя, — Сун Цяньцзи указал на испорченные талисманы. — Возьмите, поиграйте.

Мэн Хэцзэ с радостью вошёл, а Чжоу Сяюнь и остальные, оставшись у ворот, с восхищением перешёптывались:

— Старший брат Сун всегда кажется холодным, но в душе он очень добр. Он ничего не говорит, но всегда заботится о нас и замечает то, о чём мы сами не подумали!

Мэн Хэцзэ, поглаживая бумагу талисманов, с любопытством спросил:

— Старший брат, почему талисманы разделены на две стопки? В чём разница?

— В этой стопке, — сказал Сун Цяньци, — сила талисманов больше, и светят они ярче. Можешь забрать их и делать с ними что хочешь.

«Если повесить их под карнизом на полдня, они высушат воду в чане и сожгут мои лотосы. Но я слышал, что бумага для талисманов в городе Хуавэй подорожала, так что просто рвать испорченные талисманы было бы расточительством»

Мэн Хэцзэ заколебался:

— Тогда... мне хватит и тех, что светят не так ярко. Давайте поменяемся?

«Хорошие вещи, конечно, нужно оставить старшему брату для себя, как я могу их забрать» — подумал он.

«А ты хитёр, — подумал Сун Цяньци. — Если ты их заберёшь, чем я буду свои лотосы освещать?»

— Нельзя! — решительно отказал он.

Мэн Хэцзэ, держа талисманы в руках, был тронут до слёз:

— Старший брат Сун, я непременно оправдаю твои высокие надежды!

— А? — опешил Сун Цяньци.

«Плохо дело, его точно контузило»

Мэн Хэцзэ сдержал слёзы и поклонился ему:

— Мне нужно спешить на жеребьёвку следующего раунда. Вечером приду приготовить тебе лапшу!

Сун Цяньци хотел было сказать, что не так уж он и любит лапшу, и что лучше бы тот после боя пораньше лёг спать, но Мэн Хэцзэ уже развернулся и ушёл.

Во главе группы учеников внешней школы он, словно выпив десять чаш куриного бульона, шёл с горящими глазами и упругой походкой.

Благодаря крови, барабанам и белым голубям Мэн Хэцзэ чудом избежал вылета и с минимальным количеством голосов поддержки пробился в сотню лучших боевого испытания, заняв девяносто восьмое место.

Зрители, хоть и не хотели признавать, что их привлекает новый, необычный стиль боя, всё же с нетерпением ждали его жеребьёвки и собирались у его арены.

В этом бою Мэн Хэцзэ дрался не так быстро, но часто прибегал к рискованным приёмам. Он использовал много вращений, и каждый раз, поворачиваясь, полы его одежд взлетали высоко в воздух.

Порыв ветра принёс откуда-то бесчисленное множество белых лепестков. Они кружились в воздухе, и казалось, будто на арену обрушился снегопад.

Белые лепестки смешивались с алой кровью, создавая картину пронзительной, трагичной и захватывающей дух красоты.

Кто-то в толпе заиграл на бамбуковом листе. Мелодия была печальной и тоскливой, вызывая необъяснимую грусть.

Лишь когда Мэн Хэцзэ опустил меч, зрители очнулись, словно посмотрев историю о трудном пути юноши к бессмертию.

— Я должна за него проголосовать! — всхлипнув, сказала одна из девушек.

После этого раунда Мэн Хэцзэ покинул площадь и появился только к следующему бою.

К началу поединка уже сгущались сумерки. Когда бой закончился, вокруг было темно, и лишь один луч света падал на него, освещая его окровавленное лицо.

Мэн Хэцзэ, весь в крови, наклонился и вытащил из рукава ещё не распустившуюся ветку груши. Он легонько подул на бутон, и тот раскрылся. Затем он бросил ветку с арены.

— Спасибо, что пришли посмотреть мой бой!

Неизвестно, какая из девушек закричала первой, но внизу тут же началась давка — все бросились ловить цветок.

После этого боя у Мэн Хэцзэ появилась первая группа поклонниц.

— Жаль, что каждое представление уникально, и его можно увидеть лишь раз, — с сожалением

сказала одна.

— Я тайно записала всё на нефритовый диск, хранящий изображения, — тихо призналась другая.

— Правда? Назови цену, я куплю. Триста духовных камней, как тебе?

— Не продам, оставлю себе! — та девушка лишь упрямо покачала головой.

— Триста пятьдесят!

— Нет, трепет сердца четырнадцатилетней весной — бесценен!

Многие мужчины-совершенствующиеся не понимали:

— Триста пятьдесят? Совсем с ума сошли, ради какого-то смазливового личика.

— Кто это ему лепестки сыплет? Слишком показушно, слишком наигранно!

— Но ведь красиво. В любом случае, мы просто смотрим, не голосуем. Сначала насладимся зрелищем.

Хоть все и говорили, что голосовать не будут, в глубине души они понимали: если Мэн Хэцзэ вылетит, больше таких захватывающих представлений не будет. Некоторые думали: «Раз все говорят, что не будут голосовать, его рейтинг будет низким. Я отдам один голос, просто чтобы он не вылетел».

Такой образ мыслей привёл к тому, что количество голосов за Мэн Хэцзэ стремительно росло.

Чэнь Хунчжу наблюдала за этим со смешанными чувствами. Мэн Хэцзэ был учеником школы Хуавэй, и его успех должен был приносить славу школе. Но Мэн Хэцзэ отдалился от руководства, а всё это представление сплотило внешнюю школу, сделав её ещё более неуправляемой.

Уже нашлись старейшины, предлагавшие после окончания Изыщного Собрания «Достичь известности» выгнать всех учеников внешней школы и набрать новых — более послушных, покладистых и готовых работать. Чтобы раз и навсегда изменить атмосферу во внешней школе.

Фэн Цзыи, в отличие от неё, просто наслаждалась происходящим. Как девушка, имевшая дело с Мэн Хэцзэ, она первой стала его сторонницей и даже отправила служанок раздавать листовки: «Узнайте больше об участнике под номером триста шестьдесят пять, Мэн Хэцзэ».

Девушки вели агитацию очень умело, начиная с тех совершенствующихся из маленьких школ, которые приехали на Собрание лишь для того, чтобы мир посмотреть, и уже давно выбыли из состязаний.

— Приветствую, друг-даос.

Многие в своей жизни впервые достаивались внимания красивой девушки-совершенствующейся. Они краснели, не зная, что сказать, сначала кланялись и только потом, запинаясь, отвечали:

— При... здравствуйте, фея!

— Неважно, откуда вы и из какой школы. Если вы отдадите свой драгоценный голос за участника под номером триста шестьдесят пять, Мэн Хэцзэ, мы станем добрыми друзьями! Вот, узнайте о нём больше, у него есть стиль боя на любой вкус!

После такого мало кто мог отказать.

Некоторые обвиняли этих девушек в нарушении порядка боевого испытания и искажении эстетических норм.

Фэн Цзыи лишь закатывала глаза:

— Вам можно превозносить Мяо Янь, а нам нельзя поддержать парня-совершенствующегося?

— Как ты смеешь публично оскорблять Фею Мяо Янь?!

— Ха, и как же я её оскорбила? Я ведь не сказала о ней ничего плохого! — рассмеялась Фэн Цзыи.

— Фея Мяо Янь так благородна, как можно сравнивать её с каким-то учеником внешней школы, Мэн Хэцзэ?

— Героев не судят по происхождению, — вмешалась другая девушка. — Если говорить о совершенствовании, Мяо Янь достигла стадии Создания основы в четырнадцать лет, и Мэн Хэцзэ в этом году тоже четырнадцать. Если говорить о славе, Мяо Янь стала признанной первой красавицей только в семнадцать. Если Мэн Хэцзэ в этом году победит, он станет самым молодым победителем в истории Изыщного Собрания «Достичь известности». Чем он хуже?

— Сестра права, ещё через десять лет, если Мэн Хэцзэ сможет сформировать Золотое ядро, он станет следующим Цзы Е Вэньшу!

— Какая наглость! Всего лишь какой-то выскочка, который пытается привлечь к себе внимание, а вы его не только с Феей Мяо Янь сравниваете, но ещё и со старшим братом Цзы Е? Да вы как фарфор, обо всё бьётесь!

Чем больше было споров, тем громче становилось имя Мэн Хэцзэ.

Любовь или ненависть, гнев или обида — Мэн Хэцзэ оказался в центре всех обсуждений.

Некоторые считали, что он привнёс в боевое испытание свежесть и оригинальность. К тому же Мэн Хэцзэ был ещё неоперившимся птенцом. Делать ставку на него, пока он не стал могучим деревом, было куда увлекательнее. Это давало ощущение участия в чужой судьбе, а попробовав раз, остановиться было сложно.

Другие же считали сторонников Мэн Хэцзэ язвой мира совершенствующихся, которые лезут куда не просят.

Но и они не могли устоять перед соблазном великолепного зрелища.

Посмотрев бой Мэн Хэцзэ, традиционные поединки казались пресными, как еда без соли.

Если только в каком-то бою не участвовал их соученик, они не отходили от арены Мэн Хэцзэ.

Его показательные выступления всегда были полны сюрпризов.

Например, идеально подобранная музыка, создающая атмосферу.

Или взрывающиеся в воздухе магические артефакты, похожие на фейерверк.

Или сотни небесных фонариков, одновременно зажжённых и взрывающихся в ночное небо.

Независимо от исхода Изыщного Собрания «Достичь известности», эти образы навсегда останутся в памяти, став самыми яркими и запоминающимися красками этой весны.

Пока боевое испытание было охвачено бурей страстей вокруг Мэн Хэцзэ, испытания каллиграфии, живописи и игры на цитре только начинались.

В этот день Сун Цяньцзи, как обычно, полил свой огород и сменил под карнизом талисманы сбора света.

Затем, вдыхая прохладный утренний воздух, напоённый ароматами леса и трав, он неспешно вышел из дома.

Ему пора было на испытание каллиграфии и живописи.

<http://bllate.org/book/16982/1590240>